

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Вскоре после заключения перемирия с Речью Посполитой царь предпринял шаг, вызвавший, вероятно, немалые толки среди современников и представляющий своеобразную психологическую загадку для исследователей его жизни.

12 марта 1582 года в расположенный недалеко от Москвы Симонов монастырь был прислан список из 74 имен бояр, детей боярских и дьяков, казненных в разные годы по приказу царя. Царь просил монахов молиться о душах этих людей и жертвовал на помин их душ деньги и утварь. Такие же списки были посланы и в другие обители, находившиеся в разных концах страны (Псково-Печерский, Соловецкий монастыри). Зная обычно крайне отрицательное отношение царя к казненным по его приказу изменникам, этот шаг нельзя не воспринимать как нечто из ряда вон выходящее.

Но на этом дело не кончилось. К концу 1582 года был составлен гораздо более подробный список людей, казненных по приказу царя. Как показано в исследованиях С. Б. Веселовского и Р. Г. Скрынникова, их имена выписывались из следственных дел и донесений опричников, хранившихся в царском архиве. Очевидно, следуя указаниям

царя, дьяки стремились, чтобы список получился как можно более полным, из донесений выписывали даже сведения о людях, чьи имена там не упоминались (например: «ис пищали отделано 15 человек ноугородцев»). В новом списке были уже сотни людей, названных по именам, и тысячи безымянных.

С осени 1582 года списки эти рассылались в монастыри по всей территории страны с предписанием казенных «поминати на литиях и на литоргиях и на понахидах по вся дни в церкви Божии». Вместе со списками в монастыри посылались богатые вклады деньгами и «рухлядью» из государственной казны (одежды из дорогих тканей, серебряные ковши и чарки, кресты и иконы и многое другое). Изучая текст этого подробного списка казенных, Р. Г. Скрынников обнаружил его копии, разосланные в 14 монастырей, среди которых были все наиболее известные русские обители, такие, как Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Соловецкий, Чудов монастыри. Кроме того, во вкладных книгах еще семи монастырей сохранились записи о вкладах, сделанных царем на помин души казенных. Это данные — явно неполные, так как никто из исследователей не пытался специально искать записи о царских вкладах по опальным в архивах русских обителей. Вклады же были огромными, превышая по размеру те вклады, которые царь давал по царице Анастасии или Марии Темрюковне. Новодевичий монастырь в Москве получил 2000 рублей, Иосифо-Волоколамский — 1200 рублей, свыше 1000 рублей получили Антониев-Сийский, Спасо-Прилуцкий, Ростовский Борисоглебский. И эти огромные вклады делались в условиях, когда страна была разорена долголетней войной и царские посланцы буквально выколачивали из населения последние деньги.

Обращение к вкладным книгам монастырей показывает, что вклады по опальным давались не в один прием, а по нескольку раз. Так, четыре раза присылал царь вклады по опальным деньгами и вещами в Ростовский Борисоглебский монастырь. Создается впечатление, что, сделав распоряжения, царь находил их недостаточными и снова и снова рассылал по обителям деньги и вещи. В Антониев Краснохолмский монастырь последний вклад по опальным — 600 рублей — поступил 24 марта 1584 года, то есть уже после смерти Ивана IV. Таким образом, начав делать вклады по опальным весной 1582 года, царь продолжал вносить все новые и новые жертвования до самого конца своего правления.

Царь не удовлетворился составлением общего списка и, как видно из записей во вкладных книгах монастырей, посылал в те же годы вклады для поминания отдельных своих жертв. Так, в Кирилло-Белозерский монастырь он прислал 100 рублей на поминание своего шурина Михаила Темрюковича и «платья» на 165 рублей на поминание своего «канцлера» Ивана Михайловича Висковатого. Особенно щедрые вклады сделал царь по своему боярину князе Петре Михайловиче

Щенятеве. С наступлением опричнины князь Петр Михайлович постригся, приняв имя Пимена, но и в монастыре его постиг царский гнев. Царь, по свидетельству Курбского, приказал его «на железной сковороде огнем разженной жеши и за ногти иглы бити и в сицевых муках скончался». Теперь царь дал по иноке Пимене Щенятеве в Ростовский Борисоглебский монастырь 1300 рублей денег, серебряный ковш, драгоценных тканей на 265 рублей.

Что все это означало? Почему царь через много лет решил сделать огромные пожертвования, чтобы устроить заупокойные службы по людям, казненным по его приказу за измену?

Наиболее простое объяснение сводится к тому, что царь на склоне лет убедился в ошибочности своей политики, раскаялся в своих действиях и признал правоту своих противников. Ряд данных, однако, противоречит такому предположению. Прежде всего следует отметить, что режим, близкий к опричному, который царь установил в стране осенью 1575 года, в начале 1580-х годов не претерпел сколько-нибудь существенных изменений и прекратил существование лишь со смертью своего создателя. Это лучше, чем что-либо другое, показывает, что никаких серьезных сомнений в справедливости установленного им в стране порядка у царя не было. Не претерпел перемен и сам стиль обращения царя со своими подданными.

В записках польского шляхтича Станислава Немоевского, прошедшего в России несколько лет во время Смуты, сохранилось два рассказа о Иване IV в последние годы его правления. В первом из них рассказывается о князе Василии Ивановиче Телятевском, который был первым воеводой в Полоцке во время осады его войсками Батория, попал в плен, а затем после заключения мира вернулся в Россию. На вопрос царя, как же воеводы могли сдать Полоцк польскому королю, воевода ответил, что литовские люди подожгли крепость и воеводы не смогли защищаться. «Когда ты запотел там при этом огне, то здесь охладись», — сказал царь «и приказал его утопить». Трагический финал этого происшествия заставляет вспомнить сообщение немецкого пастора Павла Одерборна, который в своем сочинении о «тирании» Ивана IV, напечатанном в 1585 году, записал, что «Иоанн осудил на смерть 2300 воинов, которые в Полоцке и в других крепостях сдались неприятелю. По заключении мира... велел их всех казнить или ввергнуть в ужасную темницу». Одерборн — автор крайне тенденциозный, наиболее враждебный по отношению к Ивану IV из всех писавших о нем иностранцев. В точности его свидетельства нельзя быть полностью уверенным. Однако и в донесении Баторию о черемисском восстании читаем, что царь приказал публично бить палками всех воинов из той рати, которая в 1582 году была разбита черемисой. В другом рассказе, записанном Немоевским, речь идет о знатных воеводах князе Иване Михайловиче Воротынском и князе Дмитрие Ивановиче Хворостинине, ко-

торые в 1582 году были посланы царем против восставшей черемисы и из-за «великих снегов» не смогли дойти до места назначения. Царь приказал одеть их в женское платье и заставить крутить жернова и молотить муку. Посол английской королевы Елизаветы Джером Боус, встречавшийся с царем зимой 1583/84 года и очень довольный оказанным ему приемом, отметил в записке о своем путешествии, что когда думный дьяк Андрей Щелкалов чем-то вызвал недовольство царя, тот не ограничился тем, что приказал дьяка «наказать плетью очень сильно», но «и послал сказать ему, что не оставит в живых никого из его рода».

Все эти свидетельства ясно показывают, что стиль обращения царя с подданными с характерным для него сочетанием жестокости и ядовитой насмешки в последние годы его жизни остался прежним.

Как представляется, объяснения следует искать в сфере отношений Ивана IV и Бога. Поражения последних лет Ливонской войны были явным свидетельством того, что Бог недоволен какими-то действиями царя и карает его за это. В жизни Ивана IV такое случалось не впервые. Божий гнев обрушился на него со страшной силой уже в годы его юности. В то время рядом с царем был наставник Сильвестр, который и объяснил ему, чем именно вызвано вмешательство Высшей силы. Теперь близ царя не было такого духовного лица, воздействию которого он был бы готов подчиниться. Вопрос о том, чем именно недоволен Бог, он должен был решать сам.

Царь был далек от того, чтобы сомневаться в правильности своей политики или в справедливости кар, постигших его подданных за совершенные ими измены. Дело, однако, было в том, что царь не ограничился тем, что лишил этих непокорных подданных имущества и жизни. Он не давал им перед смертью покаяться в грехах, он лишал их тела христианского погребения, запрещал совершать по ним заупокойные службы, делая все для того, чтобы души казненных оказались в аду. Но тем самым царь вторгнулся в сферу деятельности Бога «как вечного судии», предвосхищая его решение о судьбе человеческих душ, «о чем христианину, — по выражению Степана Борисовича Веселовского, — было страшно и подумать». Отсюда гнев Бога на правителя, в гордыне своей посягнувшего на только ему принадлежавшее право. К этому добавлялся еще один существенный мотив. А мог ли быть царь уверен, что все казненные им подданные наказаны им справедливо? Ведь многие из них были казнены по доносам лиц, которые затем, в свою очередь, оказались изменниками. Представляется совсем не случайным, что как раз в то самое время, когда первый список казненных был отослан в Симонов монастырь, 12 марта 1582 года, появился царский указ, устанавливавший суровое наказание за ложные доносы: «А назовет кто кого вором, а смертного убийства или кромоны, или рокоша (польское слово, означающее

мятеж, вооруженное выступление против правителя. — Б.Ф.) на царя государя не доведет, ино того самого казнити смертию». Царь не мог быть абсолютно уверен в виновности всех казненных, но самонадеянно обрекал на гибель их души.

Придя к такому заключению о причинах Божьего гнева, царь, очевидно, готов был пойти на самые решительные меры, чтобы умиловить «грозного судию». Поток пожертвований, хлынувший в русские обители, говорил не о том, что царь раскаивается в содеянном и считает всех казненных невинными жертвами; он должен был свидетельствовать о том, что царь повергается ниц пред Богом, смиренно отдавая в его руки судьбы душ казненных им людей. Царь готов был на все, чтобы добиться Божьего прощения, и все умножал и умножал свои жертвования. Вернув себе милость Бога, царь рассчитывал восторжествовать над своими врагами, взять реванш за все унижения, которые ему пришлось претерпеть.

Этой же цели царь рассчитывал достичь и путем заключения союза с Англией.

Когда в последние годы Ливонской войны Россия оказалась в международной изоляции (даже традиционно дружественная Дания стала препятствовать плаванью судов на Северную Двину вдоль норвежского побережья), только Англия оказала ей помощь. Среди воспоминаний Джерома Горсея сохранился и такой рассказ. Когда Русскому государству угрожали войска Батория, царь обратился с просьбой о помощи к королеве Елизавете, и Горсей повез через вражеские земли царское послание, спрятав его во фляге с водкой. Прибыв в Англию, Горсей «вынул и надушил, как мог, письма и наставления царя, однако королева почувствовала запах водки». Просьба Ивана IV была удовлетворена, и в 1581 году на Северную Двину было отправлено 13 кораблей, груженных медью, свинцом и порохом. Все это, однако, не означало, что царю удастся легко заключить военный союз с Англией. Опыт предшествующих лет показывал, что королева Елизавета, охотно поддерживая отношения и снабжая Русское государство необходимыми для производства вооружения товарами, упорно уклоняется от заключения договора о союзе, который мог бы вовлечь ее страну в конфликт с западными соседями России. Царю же казалось, что теперь он нашел способ, как добиться своей цели.

Вместе с английскими кораблями в 1581 году на Двину прибыл доктор Роберт Якоби, присланный королевой по просьбе царя, просящего отправить к нему хорошего лекаря. Из разговоров с доктором царь узнал о том, что у Елизаветы есть «племянница» Мэри Гастингс, и решил к ней посвататься. Он полагал, что Елизавета перестанет возражать против союза с Россией, если этот союз будет скреплен не только договором, но и брачными узами. Правда, у царя имелась жена — Мария Нагая, которая в это время ждала ребенка, но

с такими препятствиями царь не намерен был считаться. Вскоре после заключения перемирия с Польшей, весной 1582 года, он отправил в Англию одного из своих лучших дипломатов — Федора Андреевича Писемского. Писемский должен был предложить королеве Елизавете от имени царя «на всякого недруга стояти за один» и сообщить о его намерении вступить в брак с Мэри Гастингс.

Царь с нетерпением ждал возвращения посла, но лишь в октябре следующего 1583 года Писемский вернулся в Москву с послом Елизаветы Джеромом Боусом, и советники царя Никита Романович, Богдан Бельский, дьяки Андрей Шелкалов и Савва Фролов смогли начать с английским послом переговоры о заключении союза. Запись переговоров ясно показывает, зачем царю понадобился союз с Англией. Не удовлетворяясь тем, что в проекте договора, привезенном послом, говорилось о взаимной помощи против «недругов» в общей форме, советники потребовали, чтобы в договор было внесено более конкретное обязательство: «против литовского короля стояти за один». Когда английский дипломат поинтересовался, а на каких условиях царь согласился бы на мир с Баторием, то ему разъяснили, что король должен отдать «город Полотцк с пригороды и Лифлянскую землю по Двину». Перемирие в Яме Запольском было заключено сроком на 10 лет, и это, казалось, говорило о том, что царь согласился отложить на долгое время свой спор с Речью Посполитой из-за Ливонии, но запись переговоров с Боусом свидетельствовала об ином. Царь не смирился со своим поражением и, заручившись союзом с Англией, был намерен разорвать мирный договор и возобновить войну, чтобы вернуть себе Полоцк и ливонские земли.

Переговоры о союзе не пошли гладко. Соглашаясь на заключение такого соглашения, королева устами своего представителя настаивала на том, что, прежде чем начинать войну с «недругом», следует вступить с ним в переговоры, предлагая, чтобы он «воздержался от дальнейших обид и согласился на честные условия мира». Лишь после неудачи таких переговоров Елизавета соглашалась оказать своему союзнику помощь войсками и вооружением. Такую процедуру царские советники нашли не только излишней, а прямо вредной («только обсылатца с недругом и недруг в те поры изготovitца»), а царь с раздражением заметил, что Елизавета «хочет с нами быти в докончании (союзе. — *Б.Ф.*) словом, а не делом». Другая трудность состояла в высокой цене, которую требовалось уплатить за заключение союза. Елизавета соглашалась на заключение договора лишь в том случае, если объединению торгующих с Россией английских купцов — «Московской компании» — будет предоставлена монополия на торговлю во всех портах севера России, которые закроются для голландских, французских и других купцов. Царские советники дали ясно понять послу, что они хорошо представляют себе последствия такого шага, тот огромный ущерб, который это соглашение нанесет России («оп-

роче аглинских людей торговати на Русь ходити не учнет никто, и они станут свои товары дорожить и продавать дорогой ценой по своей мере, как захотят»), но Джером Боус, следуя инструкциям Елизаветы, упрямо стоял на своем.

В переговорах о браке также не намечалось никакого прогресса. Хотя Федор Писемский благодаря своей настойчивости сумел увидеть Мэри Гастингс и даже получить для царя ее портрет, царское предложение встретило фактический отказ. В Лондоне со времени начала царского сватовства было известно не только о том, что у царя есть жена, но и о том, что у этой жены только что (19 октября 1582 года) родился сын — царевич Дмитрий. И хотя Писемский объяснял, что пусть только королева согласится на брак, и «государь наш, жену свою оставя, зговорит за королевнину племянницу», все это в Лондоне никак не вызывало энтузиазма. Боус должен был объяснять в Москве, что Мэри Гастингс «впала в такое расстройство здоровья, что остается мало надежды на возвращение ей сил». Такое отношение к царскому сватовству ясно показывало отсутствие в Лондоне особой заинтересованности в союзе с Россией.

Царь оказался перед нелегким решением, но желание отомстить врагам оказалось у него столь сильным, что он решил пойти на жертвы, чтобы добиться заключения союза. Советники, возражавшие против уступок англичанам, были отстранены от ведения переговоров, а к английскому послу отправился Богдан Бельский, который поставил перед ним один единственный вопрос: если царь даст английским купцам монополию на торговлю с Россией, будет ли заключен союз против царских «недругов» — Стефана Батория и шведского короля Юхана III. Ответ посла был положительным: «королевна для тое дружбы станет с тобою, государем, заодин на литовского и на свейского». После этого по приказу царя Богдан Бельский подготовил новый проект русско-английского договора, включавший в себя обязательство сторон «стояти заодно... доставати Лифлянские земли».

Как и в других подобных случаях, царь не жалел любезностей, чтобы расположить к себе английского дипломата. Пристав Захарий Болтин, неосторожно пожелавший послу в Москве креститься и быть с ним в одной «вере хрестьянской» и тем вызвавший его неудовольствие, был посажен в тюрьму. По просьбе посла был отстранен от участия в переговорах и Андрей Щелкалов. По распоряжению царя послу был назначен столь обильный корм, что Боус «несколько раз просил отменить его», но царь не соглашался. Наконец, Иван IV, по сообщению Боуса, просил, чтобы сопровождавший посольство проповедник, доктор Коул, написал для него «тезисы англиканской веры», а затем приказал «прочесть эти тезисы публично перед многими из своей думы и знати». Этими знаками внимания царь добился от посла обещания содействовать продолжению переговоров о браке, так как

выяснилось, что помимо Мэри Гастингс у королевы есть и другие родственницы — «и ближе тое племянницы есть их до десяти девок». Боус обещал сам позаботиться о том, чтобы в Лондоне были написаны их портреты и отосланы в Москву с тем послом, который поедет к Елизавете для окончательного оформления договора о союзе.

В записке Боуса о его путешествии сохранилась важная подробность, проливающая дополнительный свет на намерения царя. Боус записал, что если бы королева «не прислала со следующим посольством такой родственницы, какой ему (царю. — *Б.Ф.*) хотелось, то он собирался, забрав всю свою казну, ехать в Англию и там жениться на одной из родственниц королевы». В официальной записи переговоров об этом, разумеется, ничего не говорилось, и свои сведения Боус, вероятно, почерпнул у царского врача, с которым находился в постоянном контакте. Очевидно, царь полагал, что если он лично приедет в Англию, то с колебаниями Елизаветы относительно заключения брака и союза будет покончено. Конечно, на основании одних сообщений английского дипломата нельзя делать вывод, что царь был готов совершить такое путешествие, но уже тот факт, что он готов был обсуждать вопрос о возможности долгой, трудной, чреватой опасностями поездки в далекую незнакомую страну, показывает, какое значение царь придавал союзу с Англией и какое большое место этот союз занимал в его планах на будущее.

Царь, несомненно, был доволен успехом переговоров. В его представлении новый посол, которого он намеревался отправить в Лондон, должен был доставить ему официально утвержденный текст договора, условия которого были согласованы с представителем Елизаветы. Однако достигнутый им успех был в действительности иллюзорным. Овладевшее царем страстное желание отомстить своим врагам и восторжествовать над ними в очередной раз лишило его способности трезво оценивать цели и возможности своих политических партнеров. Знакомство с инструкциями, которые Елизавета дала своему послу, показывает, что она стремилась и далее уклоняться от вмешательства в конфликты в Восточной Европе на стороне Ивана IV, и условия договора, подготовленные в Лондоне, существенно отличались от тех, которые стали итогом переговоров в Москве. Получение «Московской компанией» монополии на торговлю с Россией вряд ли повлияло бы на изменение этой позиции. Помимо того что главные цели, которых стремилось добиться в начале 80-х годов XVI века правительство Елизаветы, требовали от него активной политики совсем в другом регионе Европы — во Франции и Нидерландах, еще больше, чем в торговле на севере России, английское купечество было заинтересовано в торговле с Речью Посполитой (Англия была одним из главных потребителей польского хлеба) и никто не хотел ставить эти интересы под угрозу, ввязываясь в новую войну Ивана IV с Баторием.

Кроме того (и это не менее важно), даже если бы Ивану IV каким-либо образом все же удалось добиться своей цели, то вмешательство Англии никак не смогло бы серьезно повлиять на неблагоприятно сложившееся для России соотношение сил на международной арене. Неудивительно, что после смерти царя Ивана планы союза с Англией были сразу же оставлены.

По иронии судьбы шаги, предпринимаемые царем в сложившейся ситуации, были выгодны для Батория и политиков его круга. После неудачи под Псковом король и его ближайший советник Ян Замойский под давлением шляхты, отказавшейся вотировать налоги на продолжение войны, вынуждены были согласиться на мир с Россией, но одновременно искали предлог для того, чтобы разорвать мирный договор и возобновить войну. Действия царя, если бы о них стало известно в Речи Посполитой, могли бы стать желанным предлогом для «партии войны».

Когда 17 февраля 1584 года завершились переговоры Богдана Бельского с английским послом, оставался всего один месяц до смерти царя. О последних днях жизни Ивана IV сохранилось два разных рассказа. Один из них читается в сочинении Павла Одерборна «Жизнь великого князя московского Ивана Васильевича», напечатанном в 1585 году. Судя по этому рассказу, смерти предшествовала долгая тяжелая болезнь: «Несколько дней он ничего не говорил, не ел, не пил, не издавал ни звука, как будто бы немой. По прошествии нескольких дней к нему вернулась речь». В это время, видимо, находясь в беспамятстве, он звал к себе сына Ивана. Постепенно ему становилось все хуже и хуже, тело стало гнить и покрылось червями, он постоянно впадал в беспамятство. Сын Федор приказал служить по всей стране молебны за его здоровье и освободить заключенных из темниц. Затем царь приказал отменить введенные им большие налоги и освободить пленных, но эти новые попытки умиловить Бога опоздали: он умер.

Насколько можно верить подобному рассказу? Действительно, ряд указаний в источниках говорит о серьезной болезни царя. На переговорах с английским послом было объявлено, что 20 февраля состоится прощальный прием. Однако прием не состоялся. Так как царь был крайне заинтересован в скорейшем окончании переговоров, то помешать такому приему могла только его болезнь. 10 марта навстречу послу Речи Посполитой Льву Сапеге, находившемуся уже в Можайске, был послан гонец с предписанием задержать его в этом городе, так как «по грехом государь учинился болен». 20 марта особый посланец привез в Кирилло-Белозерский монастырь царскую грамоту. «Ног ваших касаясь, — говорилось в ней, — князь великий Иван Васильевич челом бьет, и молясь припадая преподобью вашему, чтоб есте пожаловали о моем окаянстве соборне и по кельям молили Господа Бога», чтобы «ваших ради святых молитв моему окаян-

ству отпущение грехом даровал и от настоящих смертных болезни свободил». Таким образом, не подлежит сомнению, что в конце февраля-марте 1584 года царь серьезно болел. Однако протекала ли эта болезнь именно так, как описал Одерборн, имели ли место описанные в его сочинении драматические сцены? В этом нельзя быть уверенным. Основанием для сомнений служит то, что, по-видимому, к середине марта, вопреки тому, что рассказывает Одерборн, болезнь пошла на убыль. Сохранился рассказ ученого книжника, диакона из Каменец-Подольского Исайи о том, как в марте 1584 года он беседовал с царем о вере «перед... царским синклитом»; царь с ним «из уст в уста говорил крепче и сильнее». Джером Горсей в день смерти видел царя в его сокровищнице, где, окруженный придворными, тот рассуждал о свойствах драгоценных камней. Горсею запомнился рассказ о свойствах магнита, благодаря которым гроб пророка Мухаммеда висит над землей — свидетельство интереса царя к миру ислама. Царь физически был слаб, в сокровищницу его принесли на носилках, но он был явно не в том состоянии, которое описывает Одерборн. 17 марта было послано распоряжение в Можайск, что литовский посол может ехать в Москву.

Затем неожиданно наступило ухудшение. О последнем дне жизни царя сохранилось одно, но очень подробное и яркое свидетельство уже неоднократно упоминавшегося Джерома Горсея. Рассказ начинается сообщением о том, что царь приказал доставить ему с севера из Лапландии «множество кудесников и колдуний», которые должны были предсказывать ему будущее. В Москве волхвы находились под стражей, и их мог посещать лишь Богдан Бельский, «единственный, кому царь доверял узнавать и доносить ему их ворожбу». Эти колдуны и предсказали царю, что 18 марта он умрет, и царь «впал в ярость» и обещал, что в этот день они все будут сожжены (очевидно, если предсказание не исполнится).

День протекал за обычными занятиями, царь занимался делами, а «около третьего часа дня» направился в баню. В этой части рассказ Горсея может быть подтвержден документально. В сохранившемся фрагменте книги выдач из казны отмечено, что «в канун государева преставленья» один из приближенных Ивана IV, Тимофей Хлопов, «взял к государеву делу два полотна тверских» — полотняные простыни, которыми царь вытирался после бани. Из бани «царь вышел около семи, хорошо освеженный, его перенесли в другую комнату, посадили на постель, он позвал Родиона Биркина, дворянина, своего любимца, и приказал принести шахматы». Затем царь «вдруг ослабел и повалился навзничь. Произошло большое замешательство и крик. Одни посылали за водкой, другие — в аптеку за ноготковой и розовой водой, а также за его духовником и лекарями». Однако, когда они пришли, царь уже скончался. Русские источники лишь в одном отношении дополняют рассказ Горсея. Прибывший духовник

Феодосий Вятка «возложил на него, отшедшаго государя, иноческий образ и нарекоша во иноцех Иона».

Свидетельство Горсея не оставляет сомнений в том, что смерть царя 18 марта 1584 года была внезапной. Во всяком случае его рассказ гораздо более соответствует свидетельствам других источников, чем рассказ Одерборна.

Прошло довольно много времени после смерти царя, и в литературных памятниках, возникших уже в эпоху Смуты, появились утверждения, что жизнь царя «угасиша» его «ближние люди» Богдан Бельский и Борис Годунов. Любопытно, что некоторые из писавших об этом видели в убийстве царя высокий патриотический поступок. Так, в одном из псковских летописцев XVII века читаем, что царь «на русских людей... возложи свирепство», а затем и вовсе собрался «бежати в Аглинскую землю и тамо жениться, а свои было бояре оставшии побити». Но «не даша ему тако сотворити, но самого смерти предаша, да не до конца будет Руское царство разорено и вера христианская».

Новое важное свидетельство о насильственной смерти царя как будто было обнаружено при более внимательном изучении рассказа Горсея. Говоря о смерти царя, англичанин употребил выражение: «he was straingled». Переводчик XIX века перевел это как «испустил дух». Современная исследовательница сочинений Горсея А.А. Севастьянова предложила иной, более соответствующий грамматическим нормам английского языка перевод: «был задушен». Однако общий контекст рассказа Горсея заставляет сомневаться в правильности такого понимания текста. Ясно, что царю стало плохо в присутствии большого количества людей, которые пытались как-то ему помочь. В таких условиях попытка умертвить царя представляла бы смертельную опасность для каждого, кто вознамерился бы это сделать. В условиях вражды и соперничества, столь характерных для придворной атмосферы, это не могло остаться незамеченным и тогда ничто не спасло бы убийцу от заслуженной кары.

Характерно, что авторы сохранившихся рассказов о смерти царя не обвиняют его убийц в чем-либо подобном, а говорят лишь о том, что Иван Грозный был отравлен: «неции же глаголют, яко даша ему отраву ближние люди». В этой связи, как уже отмечалось, называют два имени: Богдан Бельский и Борис Годунов. О Богдане Бельском, фаворите царя в последние десять лет его царствования, в этой книге говорилось уже не раз. О Борисе же Годунове пока говорить не приходилось. Выходец из младшей ветви старомосковского боярского рода, родовые владения которой находились на Костроме, благодаря помощи дяди, царского постельничего Дмитрия Ивановича Годунова, в 1567 году мог начать свою службу в опричнине как «стряпчий з государем». Ряд лет он служил оруженосцем в свите царевича Ивана. Его положение упрочилось, когда он женился на Марии, до-

чери Малюты Скуратова. На свадьбе царя и Марфы Собакиной тесть и зять были «друзьями» царской невесты, а их жены — ее «свахами». После отмены опричнины Борис сумел сохранить расположение царя. В январе 1575 года он был «дружкой» Ивана IV на свадьбе царя с Анной Васильчиковой и мылся с царем в «мыльне». В том же году его сестра Ирина стала женой младшего сына царя Федора, и Годунов стал родственником царской семьи. В царском особом дворе он стал «кравчим», заняв то место, которое в годы опричнины принадлежало царскому фавориту Федору Басманову. В 1578 году Борис получил боярский сан. Это была очень успешная карьера, но карьера придворного, сопровождавшего царя на придворных церемониях и иногда в больших походах. Годунов не получал назначений ни воеводой одного из полков, ни наместником в крупный город, не участвовал он и в переговорах с иностранными послами. Антонио Поссевино приводит в своих сочинениях список 12 ближайших советников царя, имени Годунова среди них нет. Таким образом, благоволя молодому человеку и обеспечив ему видное место в своем окружении, царь практически не допускал его к участию в управлении государством. Разумеется, в случае смены монарха у Бориса Годунова были все основания для того, чтобы стать одним из главных советников нового царя, близким родственником которого он был.

Кроме того, ссылаясь на текст Горсея, исследователи отмечают еще один важный мотив для убийства: опасения, что царь может передать престол не Федору, а своему сыну от брака с английской принцессой. «Князья и бояре, — читаем у Горсея, — особенно ближайшее окружение жены царевича — семья Годуновых были сильно обижены и оскорблены этим, изыскивали секретные средства и устраивали заговоры с целью уничтожить все эти намерения и опровергнуть все подписанные соглашения». Однако утверждения Горсея не подтверждаются ни русской записью переговоров, ни текстом отчета Джерома Боуса. Напротив, когда заходил вопрос о наследовании престола, с русской стороны неизменно указывалось, что законным наследником царя является его сын Федор, а дети английской принцессы могут рассчитывать лишь на получение «уделов». Тем более не было заключено каких-либо «подписанных соглашений».

Другую версию событий дает Одерборн, который рассказывает, что царь хотел овладеть женой младшего сына, а когда это не удалось, стал добиваться от Федора, чтобы тот развелся с супругой. Действительно, в случае развода условия для дальнейшей карьеры Бориса Годунова резко ухудшались. Однако общая недостоверность рассказа Одерборна (о чем уже говорилось выше) заставляет быть осторожным в обращении с этим свидетельством. Серьезные сомнения вызывает и утверждение Одерборна, что до развода дело не дошло, так как царевич решительно не захотел расстаться с женой. Выше мы говорили о том, как бесцеремонно царь отправлял в монастырь жен

старшего сына, вызвавших его неудовольствие. Желания царевича при этом никакой роли не играли, а с желаниями Федора Иван IV тем более не стал бы считаться.

Таким образом, не вырисовываются ясно мотивы, по которым Борис Годунов мог бы пойти на столь беспрецедентный и крайне опасный шаг. Кроме того, следует учитывать, что у него вовсе и не было возможностей, чтобы отравить царя. Иное дело — Богдан Бельский. Сохранились документы 1581 года, из которых следует, что именно на нем лежала в последние годы правления царя забота о царском здоровье: именно «по приказу оружничего Богдана Яковлевича Бельского» изготовлялись осенью этого года лекарства для царя. Из его рук, как некогда из рук Афанасия Вяземского, царь принимал эти лекарства. В таких условиях у Богдана Бельского были все возможности для того, чтобы отравить своего монарха. Голландец Исаак Масса, находившийся в России в годы Смуты, записал такой рассказ о смерти Ивана IV: «Говорят, один из вельмож Богдан Бельский, бывший у него в милости, подал ему прописанное доктором Иоганном Эйлофом питье, бросив в него яд, в то время, когда подносил царю, отчего он вскорости умер». Рассказ этот исходил от человека, хорошо знакомого с жизнью русского двора в последние годы правления Ивана IV: фламандец Иоганн Эйлоф действительно был одним из врачей, лечивших Ивана IV в последние годы его жизни.

Но были ли у Богдана Бельского причины для того, чтобы отравить монарха? В отличие от Бориса Годунова он ничего не выигрывал от перемен на троне; его беспрецедентная для худородного дворянина карьера зиждилась только на личном расположении царя.

В нашем распоряжении есть один важный довод, позволяющий думать, что разговоры об отравлении Ивана IV и обвинения в адрес Бельского и Годунова появились отнюдь не сразу после смерти царя. Обращает на себя внимание, что лечившие царя врачи вскоре после его смерти получили возможность спокойно выехать из страны: англичанин Роберт Якоби уехал в мае 1584 года вместе с Джеромом Босом, а фламандец Иоганн Эйлоф в августе 1584 года находился в Речи Посполитой, где рассказывал кардиналу Е. Радзивиллу о борьбе за власть в окружении нового царя. Начало правления Федора Ивановича ознаменовалось острым соперничеством между разными группами знати, каждая из которых стремилась занять первые места в окружении молодого монарха, оттеснив своих соперников. В таких условиях обвинение в отравлении царя (если бы оно появилось уже в то время), несомненно, было бы пущено в ход как сильное орудие в политической борьбе. Началось бы расследование, в стороне от которого никак не могли бы остаться врачи. Но, судя по всему, ничего подобного не произошло.

Все сказанное позволяет склониться к выводу, что царь Иван ско-

**рее всего умер от удара, а слухи о его насильственной смерти возник-
ли гораздо позже в обстановке борьбы за власть как средство дискре-
дитации политических противников.**